

Глава 11

Не желаешь ли жениться?

Невеста оказалась нрава весёлого, да и собой весьма недурна. Все деревенские тётушки, кому довелось её видеть, в один голос твердили: Хэ-саньлану с женой несказанно повезло.

Матушка Чу с невесткой тоже ходили поглазеть на новобрачную. Однако после этого мать начала поглядывать на сына как-то странно — взгляд её был исполнен тайного значения, отчего сам юноша совершенно терялся в догадках.

— Матушка, что случилось? — не выдержал наконец Чу Цы. — Почему вы так на меня смотрите?

— Сяо Эр... А-Цы, — матушка Чу начала издали, голос её звучал осторожно и испытующе. — Скажи, ты никогда не думал о том, чтобы сначала обзавестись семьёй, а уж после — полагаться на карьеру?

Как только мать назвала его «А-Цы», Чу Цы почувствовал неладное. Предчувствие его не обмануло — за ласковым обращением последовал прямой удар.

— Матушка, разве мы не уговорились? — возразил он. — Раньше, чем я получу степень цзюйжэня, об этом и речи быть не может.

Он помнил, что, когда прежнему владельцу тела исполнилось шестнадцать, к ним уже засылали сваху. Тогда юноша, обуреваемый стыдом и гневом, прямо в глаза заявил женщине, что не станет помышлять о делах сердечных, пока не сдаст экзамены.

Та сваха, чьё достоинство было задето, затаила обиду. В этом году, когда он провалился на экзаменах, она при каждом удобном случае вставляла в свои речи едкие замечания на его счёт. К счастью, слава о таланте молодого человека гремела далеко за пределами деревни, и даже после неудачи никто не сомневался в его блестящем будущем.

Как говорится, и в пятьдесят лет стать цзиньши не поздно, а Чу Цы было всего девятнадцать. Перед ним лежали бескрайние возможности, и праздные сплетни не могли запятнать репутацию семьи Чу.

— Но тогда ты был совсем мал, — матушка Чу понизила голос, и на её лице отразилось явное смущение, — а теперь-то ты муж взрослый. Неужто, глядя, как другие ведут жён в дом, у тебя самого сердце не замирает?

Юноша и смеялся, и плакал одновременно.

— Матушка, что вы такое говорите? Я весь в науке, у меня и времени-то нет на подобные помыслы.

И это было чистой правдой. Что прежний хозяин тела, что нынешний — оба тяготели к некоторой душевной холодности. Впрочем, если про первого можно было сказать, что он и женщин-то толком не видел, то с нынешним героем дело обстояло иначе. Красавиц в своей прошлой жизни он встречал великое множество, но ни к одной не прикипел сердцем, предпочитая оставаться для дам скорее добрым советчиком, нежели пылким любовником.

К любым досужим домыслам Чу Цы относился философски. Он верил: любовь не приходит лишь потому, что время её ещё не настало. А когда судьба столкнёт его с «той самой», они станут неразлучны, как две половинки одного целого.

На лице матери отразилось разочарование, смешанное с облегчением. Горевала она о том, что не видать ей пока внуков, а радовалась потому, что дом их сейчас был слишком беден. Добрую девушку в такую нужду звать боязно — вдруг и не посмотрит никто на их семью.

Они ещё немного посидели вдвоём, и вскоре начался свадебный пир.

Поскольку столов на всех не хватало, первыми усадили гостей со стороны невесты. Чу Цы, как единственный в деревне сюцай и человек, почтивший хозяев ведением Книги даров, удостоился чести сесть за первый стол — сразу после старосты. Наглядный пример того, как высоко здесь ценится образованность.

Он вырос в семье интеллигентов, где с малых лет вращался на научных конференциях и симпозиумах. Людей там было много, и каждый второй владел искусством красноречия в совершенстве. Наделённый от природы высоким эмоциональным интеллектом, под таким влиянием он и сам стал за словом в карман не лезть.

За столом, с кем бы он ни заговорил, каждый собеседник возвращался на своё место в добром расположении духа.

«Не зря он носит звание сюцай, — думали гости. — Посмотрите на его повадки, на его лицо, послушайте его речь! Сверстники на его фоне точно под землю провалились»

Чу Цы не собирался скромничать. Раз уж он стал мишенью для общего внимания, то лучше стоять так высоко, чтобы окружающие могли лишь взирать на него с почтением, оставив всякие попытки к соперничеству.

Он подозревал, что во время прошлой неудачи прежний владелец тела попал в чью-то ловушку. С тем кандидатом по фамилии Вань он знаком-то был шапочно, но за несколько дней до провинциального экзамена тот вдруг начал проявлять необычайное рвение, во всём потакая Чу Цы.

Юноша, будучи душой простодушной, поддался на уговоры, признал в нём чуть ли не брата и даже делился своими наработками и секретами подготовки. Тот же Вань к учёбе был хладнокровен, лишь притворялся, а сам всё пытался сманить друга развлекаться.

При всей своей наивности, прежний Чу Цы понимал, что сейчас важнее, и вежливо отказывался. Кто бы мог подумать, что этот человек решится на жульничество и потащит за собой на дно и своего «друга».

Выйдя на свободу, прежний владелец тела лишь предавался унынию, не догадываясь, что дело вовсе не в злом роке, а в чьём-то намеренном умысле.

Чу Цы пока не знал, чьих это рук дело, но бдительности не терял. Лиса рано или поздно выдаст себя хвостом, и тогда он своего не упустит.

***

Свадебное веселье гремело до самых сумерек. Прощаясь, матушка Хэ с поклоном вручила Чу Цы красный конверт в благодарность за помощь.

Юноша с улыбкой принял дар и в ответ наговорил столько добрых пожеланий о вечной любви и согласии, что хозяйка так и засияла. Слова эти слышали они сегодня от многих, но из уст учёного мужа они звучали как истинное благословение.

Вслед за праздником потянулись унылые осенние дожди. С каждым днём становилось всё холоднее. Чу Цы поспешил облачиться в стёганую куртку на вате, в полной мере ощущая на себе все «прелести» южной зимы.

Он с тоской вспоминал тёплый кан, паровое отопление и те времена, когда в лютый мороз можно было сидеть в комнате чуть ли не нагишом и лакомиться мороженым.

Холод на юге был особенным — сырым, пронизывающим до самых костей. От такой стужи не спасала никакая одежда. Он нередко просыпался посреди ночи от холода, поджимая ноги к самому животу в тщетной попытке согреться.

Будь сейчас время чуть попозже, он, не раздумывая, развёл бы в комнате жаровню, но сейчас это сочли бы за крайность.

Матушка Чу, заметив его тёмные круги под глазами и нездоровый вид, не на шутку встревожилась.

— Сяо Эр, ты что же, опять по ночам за книгами сидишь? Каждый год в эту пору ты хвораешь, неужто совсем себя не жалеешь?

Сын лишь беспомощно вздохнул. Подозревал он, что и прежний хозяин тела страдал не от слабости духа, а от банальной стужи.

— Матушка, я не болен, здоровье моё в порядке. Просто ночи стали больно холодными.

— Что же ты раньше не сказал? — заворчала мать.

Она притащила из своей комнаты ещё одно ватное одеяло и принялась подстилать его на кровать сына.

— Добрый молодец, а на холод жалуешься. Знать, кровь совсем не греет. Вот распогодится, куплю курицу, сварю тебе бульон с красными финиками и гуанем, подлечу тебя... Сил наберёшься — и мёрзнуть перестанешь.

Пока матушка хлопотала, она не умолкая сетовала на его невнимательность, но юноше её ворчание ничуть не досаждало. Напротив, на душе становилось тепло. Разве не благодать, когда есть кто-то, кто готов ворчать над тобой из чистой любви?

Той ночью, согретый материнской заботой и вторым одеялом, он наконец-то выспался.

Силы вернулись к нему, и настроение сразу улучшилось. Тем более что утро выдалось ясным, что не могло не радовать.

Сяо Юань с самого рассвета умчался играть с друзьями. Избавившись от маленького «хвоста», Чу Цы решил наведаться в городок, чтобы свести счёты с Лавочником Лу за прошлый месяц.

Лу Фэн, лениво прислонившись к прилавку, листал какую-то книгу. Услышав знакомый голос гостя, он поднял голову и, увидев Сюэя Чу, расплылся в широкой улыбке.

— Наконец-то вы пожаловали! Я уж грешным делом подумал, что вы про наше дельце забыли, — притворно посетовал лавочник, хотя на самом деле за эти дни он выручил немалую прибыль.

— Дома дел было невпроворот, вот только выкроил время. Гляжу, почтенный хозяин прямо-таки сияет — не иначе как случилось что-то доброе?

— Истинная правда! Книги те в этом месяце разлетались как горячие пирожки. Всё, что я закупал, почти закончилось. Через пару дней думаю в область ехать за новой партией.

— Неужто в нашем городке столько любителей чтения? — усомнился юноша. Ему казалось, что местный рынок уже должен был пресытиться.

— Да разве только в нашем? Из соседних местечек люди специально за ними приезжают!

Говоря об этом, Лу Фэн прямо-таки лучился гордостью. Раньше-то в их городке грамотеев было поменьше, чем у соседей, и тамошняя книжная лавка вечно задирала нос перед лавкой Лу.

Стоило им встретиться в области на закупках, как тот старый хрыч принимался расхваливать свой товар: и книги-то у него идут влёт, и торговля процветает, и сам он от трудов праведных спины разогнуть не может. Всё сочувствовал Лу Фэну, мол, как же тому завидно, что в его лавке тишина да покой. Лавочник от этих речей едва не лопался от злости.

— А что, разве другие книжные мастерские этот товар не продают? — Чу Цы удивился такому отсутствию деловой хватки у конкурентов.

— Продают-то продают, — усмехнулся Лу Фэн, — да только у них нет ваших иллюстраций!

Поначалу он и сам удивлялся такому успеху, но потом всё понял. Единственное отличие их книг от тех, что продавались у соседей, заключалось в рисунках юного таланта.

А что касается того, как слава о них разлетелась по округе, так начинать этот рассказ нужно с госпожи Ли из их городка...

<http://bllate.org/book/15354/1416502>